

Кистяковский Богдан Александрович

Социальные науки и право

**Очерки по методологии
социальных наук и общей
теории права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б73

Б73 **Богдан Александрович К.**
Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Кистяковский Богдан Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 708 с.

ISBN 978-5-519-89198-1

Социология. История социологии. Русская социология 20 в.. Кистяковский Богдан Александрович 1868-1920 – социолог, Государство и правоЮридические науки. Общая теория государства и права

ISBN 978-5-519-89198-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩЕСТВО.

I.

Проблема и задача соціально-научнаго познанія. *)

Научное знаніе переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Еще въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи начали говорить о «банкротствѣ науки». Эти заявленія совпали съ нѣкоторымъ оживленіемъ католицизма, и многіе были склонны объяснять ихъ «католической реакціей». Но, какъ и во всѣхъ сложныхъ вопросахъ умственнаго и общественнаго развитія, въ данномъ случаѣ очень трудно рѣшить, что является причиной, а что слѣдствіемъ: вызвано ли было скептическое отношеніе къ наукѣ оживленіемъ католицизма, или же, наоборотъ, разочарованіе въ наукѣ пробудило съ новой силой потребность искать удовлетворенія въ религіозной вѣрѣ? Одно несомнѣнно—увѣренность въ научномъ знаніи въ послѣднія два десятилѣтія все болѣе слабѣла. Тотъ энтузіазмъ къ научному знанію, который въ серединѣ XIX столѣтія былъ вызванъ колоссальными успѣхами естественныхъ наукъ и связанныхъ съ ними техническихъ дисциплинъ, смѣнился холоднымъ и нѣсколько равнодушнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Открытія поразительныхъ явленій въ природѣ, какъ, напр., катодныхъ лучей и ихъ дѣйствія на фотографическія пластинки, радія и радіоактивности, произведенныя въ послѣднія два десятилѣтія и расширившія наши естественнонаучные горизонты, встрѣчались, какъ нѣчто давно ожидаемое и какъ бы само собой понятное. Въ то же время все болѣе подчеркивается безусловная ограниченность и, главное, относительность всего нашего научнаго знанія, не исключая даже и естествознанія. Поэтому мы все рѣже встрѣчаемъ радостное, бодрое, полное надеждъ и широкихъ ожиданій отношеніе къ

*) Статья эта была первоначально напечатана въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 112, Москва, 1912.

наукѣ. Напротивъ, все чаще приходится натаккиваться на разочарованіе въ наукѣ, на безнадежное отношеніе къ ней и на исканіе удовлетворенія и успокоенія въ другихъ сферахъ духовной дѣятельности.

I.

Яркимъ показателемъ этого унадочнаго отношенія къ научному знанію можетъ служить прагматизмъ. Прагматизмъ усвоилъ себѣ многія положенія, установленныя гносеологическимъ анализомъ научнаго знанія въ современной критической философіи. вмѣстѣ съ нею онъ признаетъ, что реальность, съ которой имѣетъ дѣло научное знаніе, не совпадаетъ съ той реальностью, которая дана намъ въ нашихъ ощущеніяхъ и переживаніяхъ. Дамѣе, вмѣстѣ съ научно-философской гносеологіей прагматизмъ отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что во всякое научное знаніе необходимо входятъ элементы, вносимые нашимъ мышленіемъ и присушіе только ему. Наконецъ, онъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что многое изъ создаваемого нашимъ мышленіемъ въ процессѣ научнаго познанія является лишь орудіемъ познанія. Но прагматизмъ не хочетъ признать того, что есть принципы научнаго познанія, которые обладаютъ безусловною значимостью въ сферѣ научнаго знанія и которые гарантируютъ его объективность. Такъ какъ пока мы не имѣемъ возможности окончательно и безспорно формулировать ихъ, то онъ предполагаетъ, что ихъ и вообще нѣтъ. Онъ не видитъ въ элементахъ мышленія, входящихъ въ современное научное познаніе, безусловно устойчивыхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ. Онъ не считаетъ возможнымъ достигъ непреложнаго знанія. А потому все знаніе для него сводится къ процессу познанаія. Коротко говоря, прагматизмъ не хочетъ пойти по тому пути, который указанъ Кантомъ и его открытіемъ трансцендентальныхъ формъ мышленія или категорій научнаго познанія.

Вмѣсто постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ прагматизмъ выдвигаетъ въ качествѣ рѣшающихъ моментовъ измѣнчивые принципы фактической пригодности, пользы и интереса. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ выразителей прагматическихъ теорій В. Джемсъ утверждаетъ, что «всякое новое мнѣніе признается «истиннымъ» ровно постольку, поскольку оно

удовлетворяетъ желанію индивида согласовать и ассимилировать свой новый опытъ съ запасомъ старыхъ убѣжденій. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тѣсно примыкать къ старымъ истинамъ, и успѣхъ его зависить отъ моментовъ чисто личнаго, индивидуальнаго свойства. При ростѣ старыхъ истинъ путемъ обогащенія ихъ новыми большую роль играютъ субъективныя основанія. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этимъ субъективнымъ основаніямъ. Та новая идея будетъ наиболѣе истинной, которая сумѣетъ нанудачнѣйшимъ образомъ удовлетворить оба эти наши требованія. Новая идея дѣлаетъ себя истинной, заставляетъ признать себя истинной въ процессѣ своего дѣйствія, своей работы» ¹⁾. При такомъ взглядѣ на истину В. Джемсъ приходитъ къ заключенію, что «чисто объективной истины,—истины, при установленіи которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетвореніе отъ сочетанія старыхъ элементовъ опыта съ новыми элементами,—такой истины нигдѣ нельзя найти» ²⁾.

Но если прагматисты признаютъ полезность высшимъ критеріемъ для научной истины, т.-е. для заключительной стадіи въ процессѣ познанія (поскольку они вообще готовы допустить такую стадію, хотя бы въ самомъ относительномъ значеніи понятія заключительности), то имъ ничего не остается, какъ признать тотъ же критерій рѣшающимъ и для оцѣнки предварительныхъ стадій познанія. Такъ, отношеніе прагматизма къ гипотезамъ В. Джемсъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Исходя изъ прагматическихъ принциповъ, мы не въ правѣ отвергнуть ни одной гипотезы, изъ которой вытекаютъ полезныя для жизни слѣдствія. Общія понятія, поскольку съ ними приходится считаться, могутъ быть для прагматиста столь же реальными, что и конкретныя ощущенія. Конечно, если они не приносятъ никакой пользы, то они не имѣютъ никакого значенія и никакой реальности. Но поскольку они полезны, постольку же они имѣютъ и значеніе. И это значеніе будетъ истиннымъ, если приносимая ими польза и удовлетвореніе сочетается гармонически съ другими потребностями жизни» ³⁾.

¹⁾ В. Джемсъ. Прагматизмъ. Сиб. 1910, стр. 44.

²⁾ Тамъ же, стр. 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 106.

Можетъ показаться, что прагматизмъ, устанавливая одинъ и тотъ же критерій полезности для гипотезъ и научныхъ истинъ, возвышаетъ гипотезы до научныхъ истинъ. Въ дѣйствительности однако прагматизмъ принижаетъ научную истину и научное знаніе до уровня гипотезъ. Чрезчуръ преувеличивая значеніе субъективнаго элемента во всякомъ научномъ знаніи или въ установленіи даже безспорныхъ научныхъ истинъ, истолковывая въ чисто субъективномъ смыслѣ и общеобязательныя или трансцендентальныя формы мышленія, которыя участвуютъ въ каждомъ научномъ познаніи, прагматизмъ стираетъ разницу между объективнымъ научнымъ знаніемъ и болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями и гипотезами. Теорія познанія прагматистовъ обезцѣниваетъ научное знаніе. Устремивъ чрезмѣрно большое вниманіе на неустойчивые и измѣнчивые элементы въ процессѣ добыванія научныхъ истинъ, прагматизмъ лишаетъ самыя научныя истины устойчивости, неизмѣнности, постоянства.

Когда научной истинѣ придается субъективный, неустойчивый, измѣнчивый характеръ, то это естественно измѣняетъ оцѣнку и всѣхъ другихъ продуктовъ духовной дѣятельности чловѣка. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія прагматизма нѣтъ разницы между научной истиной и гипотезой. Но и гипотезы бываютъ различныя—бываютъ научныя гипотезы, опирающіяся на извѣстныя логическія предпосылки, и бываютъ гипотезы, основанныя на чисто жизненныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ переживаніяхъ. Таковы, напримѣръ, гипотезы, созданныя религіозными переживаніями. Прагматизму ничего не остается, какъ примѣнять къ оцѣнкѣ ихъ значенія тотъ же критерій полезности. Такимъ образомъ для прагматизма одинъ и тотъ же критерій оказывается рѣшающимъ и въ вопросахъ научнаго знанія и въ вопросахъ религіозной вѣры. По словамъ В. Джемса, «согласно принципамъ прагматизма гипотеза о Богѣ истинна, если она служить удовлетворительно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но каковы бы ни были прочія трудности этой гипотезы, опытъ показываетъ, что она дѣйствительно служить намъ, и задача состоитъ лишь въ преобразованіи ея, такъ чтобы ее можно было гармонически сочетать со всѣми другими истинами» ¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 182.

Но было бы крайне неправильно предположить, что прагматизм унижает и обезцѣниваетъ научное знаніе и научную истину для того, чтобы создать лазейку для религіи и вѣры и хоть какъ-нибудь отстоять ихъ. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что именно разочарованіе въ прочности и устойчивости научныхъ результатовъ привело прагматистовъ къ убѣжденію въ томъ, что различныя гипотезы, хотя бы принадлежащія къ совсѣмъ другой сферѣ духовныхъ проявленій человѣка, имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ и научныя истины. Къ тому же прагматизмъ оказываетъ плохую услугу религіозной вѣрѣ: приравниваніе ея къ научному знанію очень опасно для нея, какъ показала исторія умственного развитія человѣчества; отъ такой чести вѣра должна отказаться. Истинно вѣрующій человѣкъ съ негодованіемъ отвергнетъ сопоставленіе В. Джемса гипотезы о Богѣ съ рабочими гипотезами и рабочими истинами, которыми пользуются естествоиспытатели въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. То же надо сказать объ отношеніи В. Джемса къ религіознымъ вѣрованіямъ отдѣльныхъ лицъ. Въ своей книгѣ «Многообразіе религіознаго опыта» В. Джемсъ разсматриваетъ религіозныя переживанія мистиковъ и святыхъ съ той точки зрѣнія, которая примѣняется къ обсужденію физическихъ и химическихъ опытовъ. Конечно, такая постановка вопроса о религіи не лишена остроумія и оригинальности. Сперва она поражаетъ своею неожиданностью и рядомъ интересныхъ сопоставленій, но затѣмъ обнаруживается ея несоотвѣтствіе предмету. Въ концѣ-концовъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что она совершенно неправильна и приводитъ къ крайне превратнымъ представленіямъ о религіозной вѣрѣ. Она имѣетъ дѣло не съ вѣрой, какъ таковой, а съ психологіей вѣрованій.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ прагматизма является разочарованіе въ силѣ науки и неудовлетворенность добываемыми ею результатами. Однако, въ концѣ-концовъ, прагматизмъ успокаивается на томъ, что, выдвигая слабыя стороны современнаго научнаго знанія, подчеркивая его недостоверность и неправильно обобщая послѣднюю, онъ совершенно обезцѣниваетъ научную истину. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, подыскивая въ своей точкѣ зрѣнія новые аргументы въ пользу религіозной вѣры, онъ низводитъ и самую вѣру до уровня недостовернаго знанія.

II.

Еще ярче неудовлетворенность научнымъ знаніемъ проявляется у тѣхъ русскихъ мыслителей, которые отъ марксизма перешли къ мистицизму. Этотъ случай отрицательнаго отношенія къ наукѣ представляетъ для насъ особенный интересъ, потому что онъ явился слѣдствіемъ разочарованія въ знаніяхъ, доставляемыхъ социальными науками и социальной философій. Притомъ здѣсь мы имѣемъ уже прямой переходъ отъ знанія къ вѣрѣ, откровенное признаніе разочаровавшихся въ научномъ знаніи лицъ въ томъ, что то удовольствіе и успокоеніе, которое они искали въ знаніи, они нашли только въ вѣрѣ. Конечно, личное дѣло каждого, согласно своимъ склонностямъ, сосредоточивать свою душевную дѣятельность на тѣхъ или другихъ духовныхъ благахъ,—на вѣрѣ или на научномъ знаніи. Но безусловно недопустимо разсматривать и рекомендовать вѣру, какъ пеходъ изъ неудовлетворительнаго состоянія науки, изъ ея кризиса. Это двѣ совершенно различныя области душевной жизни человѣка, которыя могутъ существовать рядомъ, но которыя не должны вліять другъ на друга. Ни одна изъ нихъ не можетъ служить критеріемъ для оцѣнки другой. Иначе, если мы съ точки зрѣнія одной изъ нихъ будемъ судить о другой, то получимъ неправильные и даже нелѣпые выводы.

На совершенно невѣрные выводы и наткнулся, по нашему мнѣнію, одинъ изъ нашихъ мистиковъ, Н. А. Бердяевъ, пришедшій къ мистицизму этимъ путемъ. Въ своей послѣдней книгѣ, посвященной теоретическимъ вопросамъ и озаглавленной «Философія свободы», онъ утверждаетъ, что «наука говоритъ правду о «природѣ», вѣрно открываетъ «закономѣрность» въ ней, но она ничего не знаетъ и не можетъ знать о происхожденіи самого порядка природы, о сущности бытія и той трагедіи, которая происходитъ въ глубинахъ бытія» ¹⁾. По его мнѣнію, «прославленная научная добросовѣстность, научная скромность, научное самоограниченіе нашей эпохи слишкомъ часто бываетъ лишь прикрытіемъ слабости, робости, безволія

¹⁾ Н. Бердяевъ. Философія свободы. Книгоизд. „Путь“. Москва 1911, стр. 134.

въ вѣрѣ, въ любви, нерѣшительности избранія» ¹⁾. Даже въ томъ, что считается общепризнаннымъ преимуществомъ научнаго знанія, въ его обязательности для всякаго нормальнаго сознанія, придающей ему устойчивость и прочность, Н. А. Бердяевъ видитъ его недостатокъ. По его словамъ, «всякій актъ знанія, начиная съ элементарнаго воспріятія и кончая самыми сложными его плодами, заключаетъ въ себѣ принудительность, обязательность, невозможность уклоняться, исключаетъ свободу выбора... Черезъ знаніе міръ видимыхъ вещей насильственно въ меня входитъ. Доказательство, которымъ такъ гордится знаніе, всегда есть насиліе, принужденіе. То, что мнѣ доказано, то уже неотвратимо для меня. Въ познавательномъ воспріятіи видимыхъ вещей, въ доказательствахъ, въ дискурсивномъ мышленіи какъ бы теряется свобода человѣка, она не нужна уже» ²⁾. Эту ограниченность и принудительность научнаго знанія Н. А. Бердяевъ объясняетъ тѣмъ, что оно должно подчиняться законамъ логики и дискурсивному мышленію. А по его мнѣнію законы логическаго мышленія являются результатомъ грѣхопаденія нашихъ прародителей ³⁾. Но не только на нашемъ мышленіи отразилось человѣческое грѣхопаденіе, самая природа или конкретное бытіе, по мнѣнію Н. А. Бердяева, продуктъ вины. Онъ утверждаетъ, что «вина дѣлаетъ міръ подвластнымъ законотѣрной необходимости, пространственности и временности, заключаетъ познающее существо въ темницу категорій» ⁴⁾. Такимъ образомъ, согласно этому построенію оказывается, что «логика есть прииспособленіе мышленія къ бытію», что «законы логики—болѣзнь бытія, вызывающая въ мышленіи неспособность вмѣстить полноту», что, однимъ словомъ, «дефекты науки не въ самой наукѣ, а въ ея объектѣ» ⁵⁾. Чтобы лучше уяснить себѣ эту точку зрѣнія, приведемъ болѣе обстоятельно изложенное сужденіе Н. А. Бердяева о той реальной дѣйствительности, въ которой мы живемъ и которая составляетъ предметъ науки. Онъ утверждаетъ, что «въ одинъ изъ моментовъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 37.

³⁾ Ср. тамъ же, стр. 54 и сл., 119, 134, 140.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 56.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 55 и 57.

мистической діалектики, въ моментъ распри Творца и творения, бытіе заболѣло тяжелой болѣзью, которая имѣетъ свое послѣдовательное теченіе, свои уже хронологические моменты. Болѣзнь эта прежде всего выразилась въ томъ, что все стало временнымъ, т.-е. исчезающимъ и возникающимъ, умирающимъ, рождающимся; все стало пространственнымъ и отчужденнымъ въ своихъ частяхъ, тѣснымъ и далекимъ, требующимъ того же времени для охватыванія полноты бытія; стало матеріальнымъ, т.-е. тяжелымъ, подчиненнымъ необходимости; все стало ограниченнымъ и относительнымъ: третье стало исключаться, ничто уже не можетъ быть разомъ А и не-А, бытіе стало бессмысленно логичнымъ» ¹⁾.

Ограниченному и относительному научному знанію, познающему лишь «больное», «бессмысленно-логическое» бытіе, Н. А. Бердяевъ противопоставляетъ вѣру. По его словамъ, «знаніе—принудительно, вѣра—свободна»; «знаніе носитъ характеръ насильственный и безопасный, вѣра—свободный и опасный» ²⁾. Онъ характеризуетъ вѣру не только какъ нѣчто несоизмѣримое съ научнымъ знаніемъ, но и какъ нѣчто прямо противоположное всему разумному, осмысленному, логическому. Такъ, онъ утверждаетъ, что «въ дерзновеніи вѣры человѣкъ какъ бы бросается въ пропасть, рискуетъ или сломать себѣ голову, или все приобрести. Въ актѣ вѣры, въ волевой рѣшимости вѣрить человѣкъ всегда стоитъ на краю бездны. Вѣра не знаетъ гарантій, и требованіе гарантій отъ вѣры изобличаетъ неспособность проникнуть въ тайну вѣры. Въ отсутствіи гарантій, въ отсутствіи доказательнаго принужденія—рискованность и опасность вѣры и въ этомъ же плѣнительность и подвигъ вѣры». «Нужно рискнуть согласиться на абсурдъ, отречься отъ своего разума, все поставить на карту и броситься въ пропасть, тогда только откроется высшая разумность вѣры» ³⁾. Но зато, по мнѣнію Н. А. Бердяева, черезъ вѣру получается истинное знаніе, проникающее въ самую сущность бытія, т.-е. «знаніе высшее и полное, видѣніе всего, безграничности» ⁴⁾. Понят-

¹⁾ Тамъ же, стр. 139, ср. стр. 119.

²⁾ Тамъ же, стр. 37 и 45.

³⁾ Тамъ же, стр. 45 и 46. Подчеркнуто нами.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 47.